

© 1999 г.

Д.П. ГАВРА, Н.В. СОКОЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ

ГАВРА Дмитрий Петрович - доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель Центра социологических исследований СПбГУ. СОКОЛОВ Николай Викторович - кандидат социологических наук, сотрудник Центра социологических исследований СПбГУ.

Как объект исследования политические ориентации интересны тем, что они как по своей природе, так и по функциям более других эмпирически измеряемых параметров сознания близки к некоторым комплексным доминантам, определяющим направленность ("социально-политическую координату") его политического выбора и, возможно, волеизъявления и поведения. Выступая в качестве предмета познания политические ориентации могут рассматриваться и в функции своеобразного методологического инструмента для политического анализа и прогноза. В самом деле, представленные как некоторые идеально-типические конструкты они позволяют структурировать все общество (или по крайней мере значительную его часть) по параметру общей направленности политического выбора и постоянно в различных ситуациях отслеживать динамику этих структур. Интегральных свойств подобного рода лишены такие традиционные для политической социологии инструменты анализа и прогноза, как рейтинги политических институтов и отдельных лидеров. Данные рейтинги более лабильны и, соответственно, являются менее надежным аналитическим инструментом.

Итак, *целью исследования политических ориентаций* является сегментирование определенной социальной общности (общества в целом) в соответствии с определенными существенными критериями, позволяющими судить о структуре оценок, представлений и, в конечном счете, предпочтений социального субъекта в политико-идеологической сфере. Данные критерии образуют гипотетическую модель структуры политических ориентаций исследуемой общности. Расположение реальных (эмпирически измеренных) политических ориентаций в содержательном пространстве, заданном совокупностью соответствующих критериев, образует их актуальную конфигурацию.

Политическая практика показывает, что даже во время предвыборных кампаний большинство населения определяет свою позицию в течение последних недель, дней, а иногда и часов. Массовые формы политического участия носят, как правило, эпизодический, ситуативный характер: в стабильных демократических системах все может ограничиваться выборами и референдумами, в нестабильных системах к ним добавляются возникающие в кризисных ситуациях массовые акции протеста. В стабильной же (часто - даже в относительно стабильной) ситуации большинство людей не могут быть идентифицированы как сторонники определенной политической группировки и участники политической борьбы. (Термин "*сторонники*" используется здесь не в смысле "симпатизирующие", а в смысле "принимаящие сторону", т.е. гото-

вые в той или иной мере содействовать достижению целей выбранной группировки). Вместе с тем, большинство людей в той или иной мере обладают определенными более или менее устойчивыми политическими и идеологическими предпочтениями, симпатиями и антипатиями и т.п., наконец, представлениями о должном в сфере политических отношений. Эти представления симпатии и предпочтения выступают основаниями для внутреннего самоопределения и, в конечном счете - для определения собственной политической позиции в важный политический момент, скажем, момент выборов или кризиса.

Г. Дилигенский определяет политическую ориентацию почти что в Мертоновском ключе как представления людей о соответствующих их потребностям целях политической деятельности и приемлемых для них средствах достижения этих целей [1].. Согласно его определению, политическая ориентация человека предстает как результат его включенности в процессы, происходящие в сфере социально-политической психологии.

С нашей точки зрения, такой подход несомненно обладает эвристическим потенциалом и дает выходы в операциональную плоскость (представления о целях + представления о средствах), но в то же время имеет известные недостатки, связанные прежде всего с интерпретацией категории "ориентация". Рассмотрение ориентации как представления допустимо, но, с одной стороны, излишне рационализирует этот феномен, а с другой, недостаточно фиксирует внимание на исходном семантическом его содержании. Это в дальнейшем может породить интерпретационные проблемы. ОРИЕНТАЦИЯ (поиск направления на ВОСТОК-ОРИЕНТ) - это в исходном смысле определение местоположения субъекта во внешнем для него пространстве (геометрическом, географическом, полевом, политическом, психологическом и т.п.) и (возможно) направления движения [2 с. 451; 3 с. 621]. Потребность в ориентации - одна из важных человеческих потребностей, одна из реакций субъекта на среду, связанная в частности с необходимостью объяснения мира и себя в нем.

Политическая ориентация предполагает два типа структурирования внешнего по отношению к субъекту политико-идеологического пространства: а) содержательное структурирование; б) оценочное структурирование. Под содержательным структурированием здесь понимается освоение субъектом политико-идеологического пространства и его расчленение на основании предметных критериев. Если воспользоваться представляющейся нам наиболее подходящей для решаемой задачи теорией личностных конструктов Д.А. Келли, [4] применить которую предложил в ходе семинаров по разработке программы исследования студент 4 курса М. Соколов, то содержательное структурирование производится субъектом на основании достаточно простых в когнитивном плане дихотомических конструктов, имеющих политико-идеологическое содержание.

Оценочное структурирование осуществляется вслед за содержательным или синфазно с ним и в объяснительном плане может быть интерпретировано в соответствии с любыми предпочитаемыми исследователем концепциями - от веберовской с различными способами легитимации - целерациональным, ценностно-рациональным, традиционным или аффективным [5] до модели уровневой диспозициональной регуляции В. Ядова [6] либо столь популярных сейчас в политической социологии моделей теории рационального выбора [7]. В технологическом смысле оценочное структурирование есть позиционирование в пределах оси содержательно операционализированного конструкта и осуществление выбора типа - свое (близкое, заслуживающее позитивного отношения, поддержки, доверия, восхищения и т.п.) или чужое, враждебное, опасное, бесполезное.

В любом случае именно на пересечении координатных полей содержательного и оценочного структурирования и возникает политическая ориентация.

Есть два подхода к интерпретации ориентации: неравновесный и равновесный. Неравновесный исходит из понимания ориентации как исключительно однополярного позитивного отношения (хочется написать аттитюда, да нельзя, этот термин занят и о

нем - позже). Равновесный - биполярного. Второй подход представляется более точным.

Не рассматривая всего механизма формирования ориентации, выделим одну важную его характеристику. Это его принципиальная двухфазность, двухстадийность.

Первая фаза - коммуникативное взаимодействие с пространством реальных или виртуальных идеологических дискурсов, структурирование этого пространства и первичная идентификация реальных акторов политического процесса, будь то институции или персоналии в рамках простейших дискурсивных оппозиций. Условно говоря, это в одной аналогии - выбор системы координат, в другой - составление наброска карты местности.

Вторая фаза - это позиционирование субъекта в рамках сформированной системы координат (последняя может быть и декартовой и криволинейной, иметь масштаб близкий к реальному или искаженный линзой личностных aberrаций, это в нашем случае не имеет значения), отыскание его собственного места на нарисованной на первой фазе карте. Если первая фаза - это преимущественно субъект-объектное взаимодействие (коммуникация), где индивид, формирующий свою ориентацию является субъектом, то фаза вторая - это уже субъект-субъектное взаимодействие. На второй происходит формирование *оценки*.

Таким образом в самом общем виде политическая ориентация может быть определена как оценочно неоднозначная реакция субъекта на содержательно определенный (как правило, в терминах политико-идеологических вербальных либо псевдовербальных конструктов) объект из мира политического, способная функционировать преимущественно в духовной форме.

В онтологическом плане ориентация принадлежит к сфере сознания, субъектна и вне субъекта не существует.

Объектом политической ориентации, как уже говорилось может выступать не любое явление, событие или процесс из мира политического, а лишь то, что способно вступать во взаимодействие с интересами или ценностями субъекта.

Принципиально важен для анализа политической ориентации еще и сам характер его объекта. С нашей точки зрения, можно говорить о дуализме объекта политической ориентации. С одной стороны, он несет в себе структурно-ценностное (грубее - идеологическое) содержание. С другой, он обязательно должен содержать характеристики субъекта политического действия (политической партии, политического или государственного деятеля и т.п.).

Таким образом, когда мы говорим, например, о левой или правой политической ориентации, об ориентации демократической или либеральной, мы имеем в виду, что на самом деле имеет место объектное пересечение двух типов ориентаций - на "объект-идеологию" (термин условный) (V (value) - ориентация) и "объект-политического актора" (A (actor) - ориентация). Скажем, национал-патриотическая ориентация - это не только ценностный резонанс субъекта с тезисами о мессианской роли России, избранности славянской расы или масонском заговоре. Это еще и оценка как позитивного (заслуживающего поддержки и доверия) конкретного политического деятеля - С. Бабурина, А. Баркашова или института - "Памяти", "РОС", "РНЕ" и т.п.

Понимание дуализма объекта политической ориентации дает ответ и на вопрос о том, почему отдельные, обладающие внешне вполне существенным мобилизационным потенциалом идеологические конструкты на деле не преобразуются в реальные ориентации. Один из заметных примеров такого рода - монархическая идея. Политической ориентации подобного содержания в российском общественном сознании не диагностируется, с нашей точки зрения, потому, что данная идея не персонифицирована в авторитетном акторе и, соответственно, даже не входит в число потенциальных объектов политических ориентаций нашего населения.

Разумеется, здесь имеет место своя диалектика, наличествует система прямых и обратных связей между ценностным содержанием конструкта с его мобилизационным потенциалом и наличием политического актора как носителя, персонифицирующего

этот конструкт. Актор не может появиться вне наличия соответствующего мобилизационного потенциала в поле политики. Но нас в контексте разговора о природе политической ориентации интересует другое - то, что реальная ориентация может возникнуть только тогда, когда во внешнем по отношению к сознанию ее субъекта политическом пространстве совпали два феномена - некоторая совокупность каким-то образом согласованных идеологических констант и персонифицирующий ее политический актор. Мобилизационные потенциалы первой и второго как бы интерферируют и, мультиплицируясь, образуют объект политической ориентации.

В плане методологических подходов к социологической диагностике политической ориентации это означает, что соответствующий измерительный (и, добавим, интерпретирующий инструментарий) должен включать в себя блоки, направленные на выявление V (value) - ориентации и А (actor) - ориентации, а также анализ представлений субъекта о когерентности двух компонентов.

Если говорить о субстанциональной структуре политической ориентации, то можно выделить в ней (ориентации) рациональную, эмоциональную и волевою составляющие. Разные по объекту, равно как и по субъектному составу ориентации будут иметь различное соотношение когнитивных, аффективных и мотивационных компонентов. При этом параметры данного соотношения можно считать важной характеристикой как самой ориентации, так и ее потенциальной динамики.

Понимание субстанциональной структурности политической ориентации, с нашей точки зрения, дает основание для проведения разграничительных линий между такими феноменами, как "политическая ориентация", "политическое предпочтение" и "политическая позиция". Представляется, что эти три понятия могут быть представлены в качестве некоторого относительно однородного континуума, и, более того, даже в качестве определенного монотонного ряда, упорядоченного по критерию возрастания удельного веса волевой составляющей. Так, в структуре политической ориентации представленность данной составляющей минимальна. Соответственно, как уже подчеркивалось выше, ориентация - это явление духовной природы, функционирующее в рамках сферы общественного сознания. Политическое предпочтение отличается от нее большим развитием волевого компонента (или, если угодно, компонента готовности к действию в соответствии с предпочтением). Политическая позиция имеет еще более интенсивный волевой компонент. Таким образом в отличие от предпочтения политическая позиция уже может рассматриваться как духовно-практическое образование, некоторый "мостик", по которому субъект перебирается из мира образов и ориентаций в мир политического действия. Если еще раз воспользоваться географической аналогией, то формирование ориентации - это определение субъектом своих координат на политической карте, формирование предпочтений - выбор маршрута следования, формирование позиции - это уже покупка билета и складывание чемодана для путешествия.

Каково соотношение рассмотренных понятий с такими традиционно используемыми различными школами понятиями, как аттитюд или установка? С нашей точки зрения, так любимый американскими политическими социологами, особенно сторонниками бихевиористского антропологического подхода аттитюд может быть позиционирован в рамках нашей модели в ареале, близком к политическому предпочтению. В самом деле, вспомним классическое определение аттитюда, данное Г. Олпортом: "...состояние сознания и нервной системы, выражающее готовность и организованное на основе предшествующего опыта; аттитюд оказывает направляющее и динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов, к которым он (аттитюд) имеет отношение" [цит. по 1 с. 153-154]. Политический аттитюд, (на русском языке это словосочетание смотрится хуже, нежели political attitude, недаром в 60-е - 70-е годы его переводили как социально-политическую установку), что принципиально для его измерения, традиционно рассматривается как явление из области психологического, однако вербализованное, выраженное в смысловой вербальной конструкции. Для нас важно, что политический аттитюд

предметно направлен на явления из мира политического, структурно может быть представлен подобно структуре политической ориентации и предпочтения и в то же время, имеет в своем составе выраженный мотивационный, ориентированный на действие компонент. Если воспользоваться обратной интерпретационной схемой, то можно сказать, что политическая ориентация - это "предаттитюд", "протоаттитюд". Она может перейти в него, а может и остаться "вещью в себе".

Методологическая схема анализа структуры политических ориентаций населения посредством опроса, с нашей точки зрения, должна предусматривать последовательную реализацию следующих этапов. Прежде всего следует построить априорную модель структуры актуального политического (политико-идеологического) пространства, адекватную пространственным и темпоральным характеристикам исследования. Вторым шагом является эмпирическая верификация исходной модели, проверка ее работоспособности, наполненности классификационных кластеров, их непротиворечивости и т.п. Шаг третий - собственно эмпирическая диагностика структуры политических предпочтений в рамках построенной модели.

Подобная схема нашла свое воплощение в рамках серии omnibusных исследований по программе "Политика, рынок и мы", реализуемой Исследовательским центром факультета социологии СПбГУ с 1996 года.

В настоящей статье мы полагаем остановиться на первых двух этапах единой процедуры анализа политических ориентаций. Они в методологическом плане представляются наиболее сложными и не получившими однозначного решения, хотя современная социология политики, равно как и собственно политическая наука предлагают различные интересные подходы.

Итак, первым шагом в проведении исследования является *отбор и обоснование критериев* для построения адекватной модели структуры политических ориентаций.

Существует множество возможных комбинаций разнообразных критериев, применимых для решения поставленной задачи. Прежде всего, следует выделить, с одной стороны, равновесные поляризованные, (оппозиционные) критериальные системы, и, с другой стороны, неравновесные однокомпонентные критериальные системы. В первых содержательное расчленение пространства политических ориентаций происходит на базе оси, имеющей на своих противоположных оконечностях два выраженных противоположных по характеру экстремума. Во втором типе систем дифференциация происходит в зависимости от количественной выраженности избранного признака.

Вот некоторые примеры равновесных поляризованных критериальных систем, часто представляемых на моделях в качестве "осей" применительно к современной российской ситуации: *классические правые - классические левые; либералы - консерваторы; сторонники революционных преобразований - сторонники эволюционных изменений (реформисты); демократы - сторонники авторитаризма; сторонники федерального устройства (России) - сторонники унитаризма* и т.п.

Особенностью поляризованных равновесных шкал (осей) является наличие на них "нуля", т.е. неопределенной позиции в средней части спектра, а это означает, что могут возникнуть трудности с идентификацией объекта, индифферентного к предложенной шкале. Однокомпонентные шкалы, напротив, позволяют идентифицировать практически любой объект, т.к. позиционирование на "ноль" носит в них смыслообразующий характер. В некоторых случаях возможно сведение однокомпонентной шкалы к двухпозиционной системе типа "0-1", т.к. сам по себе факт наличия или отсутствия признака может иметь гораздо большее значение, чем его количественная выраженность. Вот примеры однокомпонентных шкал (векторов): *антикоммунизм; антисемитизм; феминизм; идеологии "зеленых" (экологизм)*; и др.

Одной из первых попыток построения модели политического пространства с точки зрения ориентаций явилась одномерная шкала, предложенная Т. Адорно, в основу которой положена концепция "авторитарной личности" [8]. Данная концепция уста-

наливает системную взаимосвязь различных психологических черт и взглядов, характерных для авторитарного характера (потенциального фашизоида). Степень авторитарности позиции человека накладывается в этой модели на традиционный для политической науки континуум "левые - правые". При этом модель была адаптирована к политической действительности США середины XX века, т.е. правый фланг политического спектра идентифицировался с консерваторами, а левый - с либералами.

Недостатки данной (как впрочем и всякой одномерной) модели очевидны. Во-первых, далеко не всегда сторонники правой идеологии одновременно являются приверженцами авторитарных отношений, а левые - поборниками демократии. Во-вторых, значительное число людей не могут быть однозначно идентифицированы как левые или правые, как либералы или консерваторы (аналогично - и по другим дихотомиям), для них принципиальное значение имеют другие вопросы - относительно же выбранной дихотомии эти люди безразличны. Поэтому гораздо большее распространение получили многомерные модели политического пространства.

Примером двумерной модели может служить схема, предложенная английским психологом Г. Айзенком, который использовал две самостоятельные оси "левые - правые" и "авторитаристы - демократы" [9]. Г. Дилигенский [1, с. 308] предлагает адаптировать эту модель применительно к российской политической действительности. При этом "левые" трактуются им как сторонники рыночного реформизма и "вестернизации", а "правые" - как сторонники государственно-социалистического консерватизма и великодержавного национализма.

Другой вариант двумерной модели предложен в исследовании, проведенном сектором социальной динамики ИСПИ РАН (руководитель В. Рукавишников) [10]. Эта модель интересна тем, что она построена на совмещении политической позиции (первое измерение) с ситуационно-личностной оценкой материальных условий жизни (второе измерение). Рукавишников не дает четкого определения "политическому" фактору, однако анализ содержания различных переменных позволяет сделать вывод о том, что фактически это шкала "реформизм - антиреформизм" применительно к конкретной ситуации в российском обществе конца 80-х - начала 90-х гг. Такая модель эффективно работает, пожалуй, только непосредственно в момент проведения реформы, т.е. в ситуации, когда содержание инновации целиком поглощает все политические отношения, определяя одновременно материальное состояние каждого гражданина.

Фонд Общественного Мнения (И. Клямкин и др.) предложил модель с двумя основными шкалами дифференциации - отношение к экономической реформе и отношение к характеру новой государственности [11, 12]. Первая шкала позволяет дифференцировать общество на "социалистов" (сторонников монополии госсектора и плановой экономики) и "капиталистов" (сторонников либеральной рыночной экономики). Вторая шкала дифференцирует общество на "империалистов" (сторонников реставрации унитарного государства на пространстве бывшего СССР), "СНГ-истов" (сторонников конфедеративного пути развития отношений между государствами "ближнего зарубежья") и "националистов" (сторонников приоритета национальных интересов России).

Нетрудно заметить, что "характер новой государственности" в данной модели практически накладывается на шкалу этнополитических взаимодействий. Это как бы параллельные шкалы, которые на наш взгляд, все же не следует редуцировать друг к другу. Кроме того, в публикациях 1994 г. И. Клямкин добавляет еще две, существенные с его точки зрения оси дифференциации российского общества [13]. Это (1) - отношение к различным хозяйственным укладам и приоритетности развития различных отраслей и (2) - отношение к реформе ВПК и армии. (Существенность этой проблематики определяется, скорее всего тем, что в условиях экономического кризиса отраслевая и региональная дифференциация оказывает на жизнь простого человека большее влияние, чем приверженность той или иной политической идео-

логии.) Таким образом Фонд "Общественное мнение" предлагает фактически пятимерную модель, в которой, однако, две шкалы редуцированы к одной, а оставшиеся пары неравноценны по своему содержанию (две исходные оси гораздо более абстрактны, чем две привнесенные позднее).

Примером трехмерной модели политического пространства может служить шкала, предложенная итальянцем Делла Кьеза для структурирования депутатского корпуса Съезда Народных Депутатов СССР (1989-1991 гг.) [14]. Первое измерение - политическое: позиция депутата в области политического процесса и государственного строя. Второе — экономическое измерение: отношение к дилемме "рыночная - плановая" экономика. Третье — это национальный вопрос: континуум от национального демократического федерализма до национального сепаратизма и неосталинистского централизма (унитаризма).

Интересна модель, положенная в основу мониторингового исследования общественного мнения, проводящегося ВЦИОМом (Т. Заславская, Л. Седов и др.) [15]. Модель рассматривает возможные варианты развития российского общества по восьми альтернативным шкалам. (Несмотря на значительное количество шкал число реально возможных сценариев развития России не превышает, по мнению авторов, пяти-семи).

Анализ большинства приведенных моделей и результатов построенных на их основе исследований приводит к гипотезе о возможности построения трехмерной структуры пространства политических ориентаций для современной России. Данная гипотеза, несомненно, в неявном виде присутствовала в ряде упомянутых структурных схем. Если действительно находятся три ортогональные (или условно ортогональные) оси, в пределах которых можно построить более или менее однозначное отображение реально существующего массива политических ориентаций, то это открывает новые горизонты для отечественной политико-социологической компаративистики.

Названная задача на первом этапе исследования была поставлена нами в качестве одной из основных. Базовая гипотеза была сформулирована следующим образом: для современных российских политико-идеологических реалий возможно нахождение такого трехмерного структурного представления, которое, с одной стороны, способно однозначно описать актуальный профиль пространства политических ориентаций и к которому, с другой, строго сводится все множество дифференциальных политико-идеологических оппозиций и представляющих их акторов политического процесса. Данная гипотеза носит комплексный характер и на самом деле представляет собой обобщение некоторой совокупности гипотез. Обозначим самые важные из них. Во-первых, это предположение о том, что двумерная модель не способна отразить всю сложность структуры актуальных ориентаций. Во-вторых, о том, что возможно нахождение трех осей, необходимых и достаточных для решения этой задачи. В-третьих, о том, что в рамках одной модели возможно позиционирование как собственно ориентаций, так и идеологических конструктов и персонифицирующих их акторов.

Рассмотрим подход к конструированию модели. В качестве основополагающего принципа выберем (отнодь не очевидный) постулат, согласно которого политические отношения традиционно воспринимаются российским менталитетом как отношения принуждения. (В качестве альтернативы можно было бы предложить, например, примат обеспечения гражданских свобод, характерный для западной правовой традиции, но это уже тема для дискуссии.) В качестве наиболее актуальных для современного российского общества критериев, по которым происходит политическое размежевание, выберем (1) политический режим, (2) политико-экономическое устройство и (3) характер этногосударственного устройства и этнополитических отношений. Отсутствие политического принуждения в каждой из этих сфер тождественно *анархии*. В политике это отсутствие государственных структур, в экономике - абсолютный либерализм, безоговорочная свобода торговли, в этнополитической сфере - абсолютное право наций на самоопределение. По мере возрастания меры принуждения на

каждой из этих трех шкал происходит переход к усилению этатизма вплоть до тоталитаризма (политическая шкала), росту государственного вмешательства в экономику вплоть до жестко централизованной модели советского типа и ущемлению права самоопределения этнических групп и усилению прав государственного центра на принуждение к сохранению геополитического статуса кво вплоть до империалистической модели отношений. Данную модель можно обозначать как однородную трехмерную модель (под однородностью в данном случае понимается приведение как бы к общему содержательному знаменателю всех трех самостоятельных осей). Модель проверялась в ходе опросов населения Ленинградской области¹ и г. Санкт-Петербурга². Рассмотрим основные результаты на примере последнего опроса.

Для идентификации позиции респондента на каждой из трех осей использовались шесть основных вопросов - по два для каждой оси. Недостаточность одного измерения (вопроса) для корректной идентификации позиции респондента на каждой из осей достаточно очевидна - феноменология ориентации не сводима к определенному конкретному мнению либо отношению. Правильная идентификация ориентации возможна только на основе мультииндикаторной системы, однако такая система неизбежно содержит в себе проблему весов и структуры индикаторов. В рамках начального этапа проверки нашей модели было решено использовать схему "два основных индикатора + дополнительные индикаторы".

Поскольку основной целью данного этапа исследования являлась проверка возможности альтернативной сегментации пространства политических ориентаций, все шесть основных вопросов конструировались либо как альтернативные, либо как подразумевающие альтернативную интерпретацию. В ряде случаев такой подход вынудил составителей вопросника предоставить респонденту третью, открытую альтернативу - "особое мнение", т.к. в противном случае доля затруднившихся с ответом могла существенно возрасти. В других случаях использовался метод шкалирования по Лейкерту с дальнейшим преобразованием переменных в альтернативные (причем приоритет во всех случаях был отдан знаку отношения, а не его интенсивности).

Более сложные в структурном плане индикаторы были отнесены к категории дополнительных. Их методическая функция - контролировать возможности содержательной интерпретации основных распределений.

Основными индикаторами политико-экономической ориентации были избраны: (1) отношение к балансу приоритетов в системе "социальная защищенность - налоговый прессинг на хозяйствующего субъекта" и (2) представления о необходимой мере вмешательства государства в российскую экономику.

Этно-политические ориентации респондентов определялись на основании: (1) мнения относительно допустимости выхода какой-либо территории, региона, республики из состава Российской Федерации; (2) мнения относительно оптимальной стратегии распределения прав, полномочий и власти между федеральным центром и субъектами федерации в России.

Ориентация на определенный тип политического режима определялась в ходе опроса посредством: (1) ожидаемой жесткости власти в отношении института преемственности и допустимой в этой связи меры ущемления прав и свобод граждан и (2) оценки потребности российского общества в авторитарном правлении - "жесткой руке".

Удалось выявить ориентации большинства респондентов в соответствии с тремя из указанных осей. Так, согласны, что социальную защиту нужно усиливать, даже если

¹ Апрель 1996 г. Объем выборки - 1200 респондентов. Выборка квотная, контролируемые параметры пол, возраст, образование, отбор респондентов внутри квот - случайный. Метод - очное интервьюирование по месту жительства.

² Апрель 1997 г. Объем выборки - 1100 респондентов. Выборка квотная, контролируемые параметры пол, возраст, образование, отбор респондентов внутри квот - случайный. Метод - очное интервьюирование по месту жительства.

для этого нужно увеличивать налоги, 43,8%, а с утверждением, что налоги следует снижать, даже если это приведет к уменьшению социальной защищенности, 28,0%. В то же время скорее согласились бы с утверждением, что государство слишком сильно вмешивается в экономику, не обеспечена полная свобода частного предпринимательства, только 21,3%, а с противоположным - государство слишком слабо участвует в управлении экономикой, оно утратило контроль над экономическими процессами - 56,5%. В соответствии со второй осью на вопрос: "Допустим ли выход какой-либо территории, региона, республики из состава России?", ответы распределились следующим образом: безусловно, да - 10,5%; да, при соблюдении законодательно определенных условий - 30,1%; допустим только в крайних случаях и при согласии населения всей России - 24,7%; безусловно нет - 24,1%. В качестве условия развития Российской Федерации 40,0% видят увеличение объема прав, полномочий и власти субъектов федерации, т.е. усиление регионов и ослабление центральной власти; 26,7% - усиление власти федерального центра при уменьшении объема прав, полномочий и власти субъектов федерации. В соответствии с третьей осью 55,9% респондентов считают, что необходимы жесткие действия власти по обузданию преступности, даже если это приведет к некоторому ущемлению прав и свобод граждан, а 29,5% согласны, что необходимо строго соблюдать права и свободы граждан, даже если это создает определенные трудности в борьбе с преступностью. На вопрос: «Нужна ли сегодня России "жесткая рука", сильный человек, способный взять на себя всю меру власти и ответственности?», ответы распределились следующим образом: да, безусловно - 36,7%; скорее всего да - 33,4%; скорее всего нет - 15,6%; безусловно нет - 8,0%.

В то же время работа инструментария может быть признана удовлетворительной, но не идеальной. Доля затруднившихся с ответом, либо указавших на особое мнение в ряде случаев превысила ожидаемую. Основными факторами, затруднившими работу инструментария, выступают, на наш взгляд: (1) магнетирующее воздействие позиции "особое мнение", оттягивающей на себя часть голосов респондентов; (2) очевидные различия в плане содержательной значимости индикаторов для отдельных групп респондентов (например, вопрос о соотношении объема социальной защиты и размеров налогов - "болевая точка" предпринимателя и пенсионера, в то время как проблема меры государственного вмешательства в экономическую систему воспринимается этими категориями как достаточно абстрактная; а вот для интеллектуала со средним доходом содержательная значимость этих индикаторов обратная).

Кроме того, следует отметить, что, будучи ориентирован на задачу полярной двухпозиционной классификации элементов объекта по принципу "+/-", инструментарий неизбежно имеет меньшую чувствительность в "центристской" зоне политического спектра; хотя содержательно эта зона чаще может быть интерпретирована как отсутствие определенной позиции, формально она часто манифестируется как осознанный выбор прагматически ориентированного практика.

Анализ распределений ответов для респондентов, затруднившихся с самоидентификацией в рамках определенного индикатора, показывает, что другой принадлежащий к той же оси индикатор чаще срабатывает. Так, среди тех, кто затруднился с выбором между усилением социальной защиты и снижением налогов 66,5% выбрали одну из альтернатив в рамках второго индикатора экономической оси, а доля респондентов, не определивших свою позицию сразу по обоим вопросам, не превышает 10%. Аналогичная картина характерна и для двух других осей: на этнополитической оси остались "абсолютно" неидентифицированными менее 8% опрошенных, для оси отношений к политическому режиму этот показатель составил всего 2,5%. Данное обстоятельство указывает на возможность конструирования на основании комплекса индикаторов такой корректной методики идентификации позиции респондента в рамках каждой из осей, которая будет эффективна в отно-

шении значительного большинства респондентов, исключая лишь тех, кто фактически не имеет определенной ориентации.

Методологическая гипотеза, подлежащая проверке на втором этапе, заключалась в том, что взаимные пересечения каждой пары осей задает двумерное, а не линейное пространство, что свидетельствует о трехмерности образуемого данной системой осей континуума политических ориентаций. Таким образом ни одна пара осей не может быть сведена к единой оси, и каждая из осей представляет специфическое основание для дифференциации пространства объекта. Наполненность каждого из восьми заданных осями сегментов - позиционирование в каждом из них статистически значимого по размерам кластера - свидетельствует о работоспособности предлагаемой модели и, соответственно, является критерием успешной реализации данного этапа.

В рамках обозреваемого исследования эта задача была решена посредством анализа двумерных распределений для вопросов, относящихся к разным осям модели.'

Рассмотрим наиболее характерные из них. Так, половина сторонников уменьшения государственного регулирования экономической сферы в различной степени признают необходимость для России авторитарного правления, а почти две пятых - придерживаются противоположного мнения. В то же время почти пятая часть респондентов, полагающих целесообразным усиление роли государства в экономике, отрицательно относятся к введению авторитарного правления. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что экономический либерализм не сводим в пространстве политических ориентаций к либерализму политическому, а социально-экономический этатизм не является достаточной предпосылкой для формирования установки на приверженность авторитарному режиму. Напротив, наличие значительных групп респондентов, сочетающих либеральные ориентации в политике с экономическим этатизмом, а экономический либерализм - с политическим авторитаризмом.

Аналогичную картину дает и двумерное распределение для другой пары индикаторов - отношение к балансу приоритетов в системе "социальная защищенность - налоговый прессинг на предпринимателя" и ожидаемой жесткости власти в отношении криминального мира в связи с мерой ущемления прав и свобод граждан. Только половина сторонников жесткости в отношении преступного мира (даже при условии ущемления гражданских прав и свобод) полагают, что можно идти на увеличение налогов ради усиления социальной защищенности населения, в то время как четверть этой группы респондентов состоит из сторонников снижения налогов даже при условии сокращения социальных выплат. Те же, кто является убежденным сторонником строгого соблюдения прав и свобод граждан, практически поровну делятся на сторонников социальной и либеральной моделей экономики.

Таким образом мы вправе констатировать наполненность всех четырех сегментов модели, заданных осями "политико-экономическое устройство" и "политический режим". Экспериментально выявлено наличие групп респондентов, для которых характерны как сочетание экономического либерализма с политическим ("классическая" модель капитализма североамериканского типа) и экономического социализма с политическим авторитаризмом (социалистическая модель советского типа), так и совмещение экономического либерализма с политическим авторитаризмом (модель капитализма восточно-азиатского региона) и экономического социализма с политическим либерализмом (модель социального государства североевропейского типа).

Наложение индикаторов оси "политический режим" на индикаторы этнополитической оси дает сходные результаты. Более трети сторонников "жесткой руки" достаточно либеральны в отношении проблемы национального самоопределения регионов, в т.ч. - выхода их из состава Российской Федерации, и только чуть более половины из них демонстрируют установку на принуждение в этно-политической сфере. В то же время треть противников авторитарического режима полагают выход региона или республики из состава России недопустимым.

Таким образом и в отношении этой пары осей справедливым является вывод о содержательной наполненности всех четырех квадрантов. Это сочетание ориентаций на: (1) политический и этно-политический авторитаризм (империалистическая модель, подразумевающая автократию в качестве метрополии); (2) политический и этно-политический либерализм (классическая либеральная модель государства); (3) политический либерализм и этно-политическое принуждение (модель федерального устройства североамериканского типа); (4) политический авторитаризм и этно-политический либерализм (модель слабой автократии, не способной удержать центробежные тенденции и стремящейся освободиться от балласта "мятежных провинций").

Наконец, аналогичные выводы позволяет сделать и анализ двумерных распределений для третьей пары индикаторов, принадлежащих к экономической и этно-политической осям. Только треть сторонников усиления государственного регулирования экономики выступает за увеличение власти и полномочий федерального центра, а это значит, что сам по себе этатизм не может рассматриваться как корректное основание для содержательной интерпретации позиции респондента в обеих сферах. Это подтверждает и тот факт, что почти пятая часть респондентов, ориентированных на либеральную систему экономических отношений, считает целесообразным усиление власти федерального центра даже при ущемлении прав и полномочий субъектов федерации. Таким образом и пересечение этно-политической и политико-экономической осей дает нам четыре кластера, которые хотя и имеют различные веса (размеры), в то же время явно присутствуют в обследованной совокупности.

Интересные результаты были получены в ходе анализа двумерных распределений для основных и дополнительных индикаторов различных осей. Так в качестве одного из дополнительных индикаторов политико-экономической оси использовались предпочтения респондента, вербализованные посредством ссылки на пять типичных, "знаковых" моделей социально-экономического устройства: (1) либеральная рыночная модель американского типа, примерно такая, как в США; (2) модель социальной рыночной экономики, примерно такая, как в Швеции и других Скандинавских странах; (3) социалистическая модель, примерно такая, какая была в экономике Советского Союза до Горбачева; (4) модель государственного капитализма, примерно такая, как сложилась сегодня в Китае; (5) модель командной экономики, примерно такая, какая имела место в СССР при Сталине.

Показательно, что среди респондентов, отдавших предпочтение либеральной рыночной модели, т.е. такой, какая сложилась в США, более половины (51,7%) полагают допустимым (безусловно либо при соблюдении законодательно определенных условий) выход территории из состава Российской Федерации (хотя, как уже было отмечено, США являются" как раз примером жесткого федерального устройства, допускающего применение необходимого принуждения для предотвращения угроз целостности государственной системы). Другой любопытный факт: более двух третей (68,7%) сторонников шведской социально-экономической модели в разной степени склоняются к необходимости авторитарного правления в России.

На наш взгляд, оба примера еще раз доказывают, что формирование ориентации в рамках каждой из выделенных осей является во многом самостоятельным процессом, который не может быть интерпретирован как простая адаптация базового аттитюда к задаче формирования отдельных отраслевых парадигм политического сознания. Политическая ориентация человека как системный феномен возникает в результате совмещения этих парадигм, а не наоборот. Но это проблематизирует интерпретацию таких распространенных категорий, как либерализм, авторитаризм, социализм, империализм и т.п., т.к. корректное использование каждой из них оказывается возможным лишь применительно к определенной обозначенной сфере. Не существует "либерала вообще" - существуют экономический либерализм, либеральный режим и либе-

ральная геополитика. Также и "социализм вообще" не является некоторой универсальной ориентацией, ибо в противном случае одинаково социалистическими оказываются ориентации и на социальную экономику политически либеральной Швеции, и на большевистскую диктатуру.

Построенная однородная трехмерная модель согласно нашим гипотезам отражает структуру пространства политических ориентаций для современной России. При этом, если переводить разговор в методологическую плоскость, эмпирическая проверка валидности и работоспособности модели предполагает реализацию следующих процедур. Во-первых, следует убедиться в том, что предложенные оси действительно "работают", то есть распределяют опрашиваемую выборочную, а, значит, и репрезентируемую ею генеральную совокупность на статистически значимые группы. Во-вторых, нужно убедиться в необходимости данной номенклатуры осей, доказать, что они не параллельны и не сводятся друг к другу. В-третьих, следует обосновать достаточность предложенного критериально-осевого набора или, что то же самое, показать, что большинство иных политико-идеологических оппозиций сводится к трем обозначенным. В-четвертых, нужно что называется "визуализировать" предложенную схему, "нарастить живую плоть политической жизни на сконструированный концептуальный скелет". Это значит, что следует проверить каким образом в данную схему укладываются реальные институты и персоналии российского политического подиума, нет ли среди них таких, которые не укладываются в квадранты модели или проваливаются сквозь сито сформулированных критериев.

В ходе выполнения исследовательских программ в 1996-1998 гг. мы выполнили работы в рамках каждого этапа. В целом гипотеза о возможности трехмерного структурного представления пространства политических ориентаций современного российского социума в рамках полученных данных выглядит вполне жизнеспособной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995.
3. Webster's New World Dictionary. Prentice Hall, N.Y., London, Toronto, Sydney. 1992.
4. Kelly G.A. A Brief Introduction to Personal Construct Theory // Bannister D. -ed. Perspectives in Personal Constructs Theory, London: Academic Press, 1970.
5. Вебер М. Хозяйство и общество // Избранные произведения. М., 1990.
6. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
7. См., напр.: Health A. Rational Choice and Social Exchange. Cambridge, 1976.
8. Adorno Th., Frenkel E., Brumswick S., Livinson D., Stanford R. The Authoritarian Personality. N.Y., 1950.
9. Eysenk H.J. The Psychology of Politics. L., 1954.
10. Рукавишников В.О. Факторная модель структуры общественного мнения и проблемы экологии в современной России // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 58-70.
11. Клямкин И.М. До и после парламентских выборов // ПОЛИС. 1993. № 6. С. 39-53.
12. Российское общество: ценности и приоритеты // Там же. С. 54-80.
13. Клямкин И.М., Лапкин В.В. Дифференциация ориентаций в российском обществе: факторы влияния // ПОЛИС. 1994. № 6. С. 96-119.
14. Къеза Д. Переход к демократии. М., 1993.
15. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1993. № 2. С. 6-8.